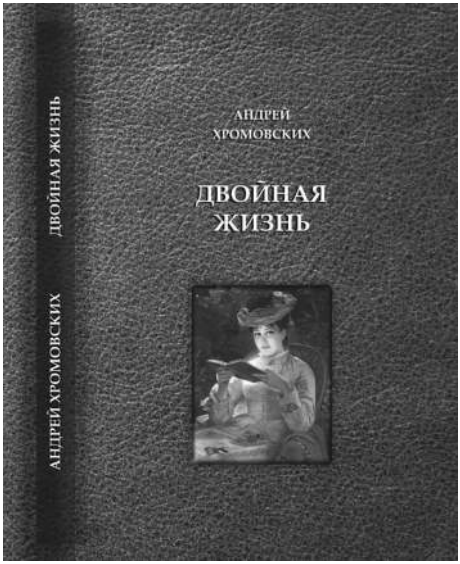

Что можно оценить в прозаическом произведении с самых первых страниц? Пожалуй, самое главное: литературное качество текста. Если оно подобно потоку свежего воздуха, смывающего осточертевшую духоту, значит, читателю повезло — он встретился с писателем, хорошо владеющим своим основным «инструментом», а именно литературным языком.

Повесть Андрея Хромовских «Двойная жизнь» — из такого свежего потока. Благодаря качеству текста и языковым приёмам автора, мы быстро погружаемся в жизнь, им придуманную, но кажущуюся реальной, близкой и даже знакомой, хотя это жизнь далёкая, аж из второй половины девятнадцатого века. Сюжетные линии проявляются не сразу, герои представляются ненавязчиво, словно сквозь дымку июльской духоты, разморившей возлежащего в гамаке помещика: «Не то тоска от жары навалилась, не то скука с хандрою вперемешку...» — с подробностями быта (что они кушать изволят и как развлекаются в своём барском безделье) и деталями взаимоотношений. Всё это «покачивается» в голове героя в такт движению гамака вместе с ползшим «давеча вверх по террасной балясине голенастым, наглым, разжиревшим от кухаркиных щедрот прусаком» и «облачным непрестанным скаканьем».

Через десяток страниц автор плавно переносит нас в самую что ни на есть современность, используя техническую примету, соотносимую при этом с состоянием природы в предшествующем фрагменте: «От виска к подбородку и обратно неспешно бредёт шмелино жужжащая в облаках снежной пены бритва «Gillette»…»

Таких, казалось бы, незначительных, связующих отдалённые друг от друга времена, композиционных элементов в повести немало; они как бы окружают ореолом главные связи: жившего в прошлом и живущего сейчас Михаила Евгеньевича (помещик и клерк) и Машеньку (дочь помещика и такая же, как Михаил, мелкая служащая). При этом жизнь современных «двойников» представляется скупо, в обыденных, весьма серых и унылых тонах. Зато их встреча в девятнадцатом веке подобна налетевшей после затяжной духоты грозе: тут и громы, и молнии, и ливневая хлёсткость чувств. Естественно, и внимания тому времени и тем взаимоотношениям уделяется значительно больше — это романтично-драматичная составляющая повести. К ней мы вернёмся позже, а сейчас попробуем разобраться, насколько в данном произведении присутствует сам автор.

В чём обычно такое присутствие проявляется, кроме рассказывания о себе лю-

бимом? В расстановке акцентов (это хорошо — это плохо), в характеристическом отношении к персонажам (положительный — отрицательный), в авторских комментариях к происходящему (чтобы читатель понял правильно, а не как ему вздумается). Но ничего такого в «Двойной жизни» нет. Люди живут в доставшейся им действительности, с присущими этой действительности нравами, привычками, манерами; и, как бы она их не тяготила, вырваться из неё им некуда, разве что в бунт «бессмысленный и беспощадный». Так что ж им оценки раздавать?! Даже гротескное изображение капитан-исправника Онуфрия Пафнутьевича Аксельбант-Адъютантского (одни ФИО чего стоят!), его супруги-исправничихи Альбины Ильиничны и в какой-то степени предводителя дворянства Льва Лукьяновича Длиннорукова, с которыми связан общественный нюанс существования Михаила Евгеньевича, явного налёта авторского отношения не имеет. Эта компания «чинов» образует вторую составляющую повести — сатирическую. Что тоже вполне естественно: кто же в России о чиновниках доброе слово скажет, кроме самих чиновников?! Писатели — не исключение. Тот же Александр Александрович Блок в речи «О назначении поэта» на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина произнёс: «…уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня». Нынешнего чиновничьего «боярства» Андрей Хромовских не касается, зато для «вчерашнего» не пожалел физиономических и речевых характеристик вкупе с осмысливаемой Михаилом Евгеньевичем подноготной данного типажа.

Уже на второй странице текста капитан-исправник сравнивается с прусаком, а следом помещается фраза: «Надо было прусака пришлёпнуть чем-нибудь. Свежий нумер журнала «Искра» очень кстати под рукой очутился, да что-то меня вдруг отвлекло...» (Очень многозначная в контексте фраза, не правда ли? Ведь и сам Михаил Евгеньевич что-то вроде писателя, которого всё время что-то отвлекает от пера и бумаги). Ну а при непосредственном появлении Онуфрия Пафнутьевича портрет детализируется уже с присущими всей повести изысками: «Вошёл неспешно, с видом несообразно его полицейскому званию значительным, от всех и вся независимым. Удивительно. В кресло не присел, как всегда, с краешку, а, не спрашиваясь, плюхнулся в самую его гобеленовую середину; ногу на ногу, руками при этом помогая, покряхтев, закинул; развалился вольно, словно на садовой скамейке… Усы вздыбил, отчего они сделались удивительно прусачьими, по резным кресельным подлокотникам жирные пальцы разбросал (грязь под ногтями, как всегда, не вычищена), глазками вперился... Глазки у него особливые: по причине отсутствия подвижности и живого блеску схожи с мутным голубым французским фаянсом, и ежели какой комар вздумает уколоть капитан-исправничий глаз, то хоботок, к превеликому комариному удивлению, лишь скользнёт по непроницаемой поверхности, принятой обманутым кровососом за обычную плоть, то бишь человеческую...»

Обратим внимание на слова «не присел, как всегда, с краешку» и «удивительно». За ними стоит весьма важная внутриполитическая реалия: до 1862 года должность капитана-исправника (главы уездной полиции) в России была выборной от дворян, и естественно, что Онуфрий Петрович вынужден был перед ними расшаркиваться, а тут царским указом выборы отменяются, и «отныне и навеки должность более не выборная, а зависит едино от воли губернатора». Как говорится, пустили козла в огород: свобода своеволия и произвола! Вот и усы вздыбил, и глазками буравит, аж жуть… И ох не случайно автор вложил в его уста словосочетание «отныне и навеки».

Вот, собственно, и всё авторское присутствие в повести. Заметно, что ни к одному из своих персонажей он симпатии не испытывает, пишет их «такими, как есть», словно не сам придумал, а усмотрел откуда-то со стороны очень пристальным скептическим взглядом и передал так живо, что мы-то, читатели, начинаем переживать и с ними, и за них, нисколько не считаясь с авторским скепсисом и проглядывающей в самых чувственных местах иронией.

Не заметили иронии? Ну, может быть, я и ошибаюсь. Однако приметы заявленной в названии повести двойственности присутствуют всюду. Чувственные порывы «прошлого» Михаила Евгеньевича категорически противоречат его же рассуждениям о любви и браке. Евграф Иринархович Бессовестнов только внешне гуляка, игрок и хлебосольный хозяин поместья, любящий подшутить над своими гостями, а внутри у него чёрная тоска и раскаяние из-за давних, совсем не родительских, спьяну, отношений с дочерью. Машенька, представшая поначалу перед влюбившимся в неё Михаилом Евгеньевичем невинным восхитительным созданием, вдруг (здесь автор, знающий, чем вся эта восторженная романтика закончится, прямо-таки жесток по отношению к читателю!) открывается с «тёмной» стороны (даже её портретные характеристики при этом разительно меняются) и тоже внутренне страдает от своей двойственности. В общем, перед нами богатейший набор психологических перипетий, связей и парадоксов, заставляющий читателя, вслед за персонажами, испытывать контрастные чувства.

Ну и, конечно, «двойная жизнь» напрямую связана со снами. Сны друг о друге видят оба Михаила Евгеньевича; причём, если нынешний рассказывает их нам «вживую» (ему, кстати, вообще свойственны многозначные, подробные, «картинные» сновидения, напоминающие фильмы), то второй записывает, хотя, судя по тексту, не всегда (да и что он может описывать, кроме технических диковин и моды на короткие юбки, остаётся непонятным). Сны о чистой, вдали от опостылевшего окружения, жизни на лоне природы видит Машенька. Сны — пустые, бессюжетные — предмет ежедневных обсуждений и толкований в женском коллективе, где прозябает на работе наш современник.

Всё это — словно попытки найти в жизни что-то более важное, осмысленное, красивое, чувственное — во всяком случае, другое, — чем нудная рутинная действительность, так или иначе берущая в плен любого. В самом начале повести мается душевно Михаил Евгеньевич: «Настоишься на коленях, отобьёшь поклонов несчётно, надышишься ладану — и, вот оно, просветление, снизошло... Так на душе становится хорошо, инда молебны петь хочется, не думается ни о чём, лишь одна мысль душу тешит: «Эх! Вот так-то бы всегда жить — в тиши, в благости, умиротворении с жизнью и самим собою! И почему же я, неразумный, раньше не догадался так жить?!» А как встанешь с колен — сызнова мечешься...» — и, не находя выхода, после всех сюжетных переживаний и разочарований женится на своей горничной, погружаясь в семейную, простую размеренную, хотя и недолгую уже жизнь. С одной стороны, финал, вроде бы, и неожиданный, но с другой — ведь прочили ему это и остепенившийся друг Евграф Иринархович Бессовестнов, и поигравшая его чувствами Машенька Бессовестнова. Но всех опередил автор, ещё на третьей странице текста Андрей Хромовских выдал нам посещавшее помещика желание «опроститься». К этому всё и пришло.

Не знаю, удалось ли мне в кратком рассуждении раскрыть детали того, с чего начал рецензию, а именно литературного качества текста: непростого, с целой системой сюжетных переплетений, композиционных узлов и лексических взаимосвязей. А может быть, читатель откроет ещё и что-то своё, ускользнувшее от моего взора?